

**СЕРИЯ 2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ –
«ПОБЕДИМ, ДАЖЕ ЕСЛИ ПРОИГРАЕМ»**

СЦЕНА 1. МОСКВА. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА. СПАЛЬНЯ ТАЛОЧКИ.

Раннее утро следующего дня – 27-го октября 1917-го года.

Спальня тускло освещена: серый осенний рассвет едва начинается. ТАЛОЧКА спит с улыбкой на лице. ГЛЕБ, облокотившись на руку, смотрит на неё, нежно водит пальцами по её векам, губам, бровям.

ТАЛОЧКА (не открывая глаз). *Что ты делаешь?*

ГЛЕБ. *Ничего... Гуляю по твоему лицу.*

ТАЛОЧКА (всё не открывает глаза). *26-е октября 1917-го мы всегда будем помнить как день нашей свадьбы. Пусть пока и без венчания.*

ГЛЕБ. *Это – ничаво, как говорит мой Игнат. Батюшке теперь деваться некуда – повенчает... Иди ко мне.*

ТАЛОЧКА (нежно обнимает его и отстраняется). *Нет, Глеб, всё... Не обижайся. Уже светает. Тебе пора идти: ты же обещал полковнику Лихачеву. Жалко кадетов...*

Глеб обнимает Талочку, потом стягивает со стоящего рядом стула её халат, накидывает на себя, идёт за ширму переодеваться.

ГЛЕБ (из-за ширмы). *Слушай, а почему всё-таки тот мерзавец тебя вчера отпустил?*

ТАЛОЧКА. *Понимаешь... Это был тот самый гренадер, про которого я рассказывала. Тот самый, из госпиталя... До-о-о-чень-ка...*

СЦЕНА 2. МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НА МОХОВОЙ. Утро того же дня.

В университетском коридоре толчея, беготня, некоторые студенты с винтовками. ФЁДОР АРХАНГЕЛЬСКИЙ идёт по коридору. Сталкивается со студентом МАРКОМ ЛЕВИЦКИМ. У того красная повязка на рукаве.

Старый (Казановский) корпус Московского университета на Моховой.

В левом флигеле, где располагался Юридический факультет, Фёдор встретился с однокурсниками Сергеем Бездетным и Марком Левицким. В сквере Фёдор беседовал с философом Иваном Ильиным.

ФЁДОР. *Здравствуй, Марик! Куда ползёшь?*

МАРК. *Архангельский, прошу заметить: я не червь, чтобы ползать. Направляюсь к Моссовету. Там – наши!*

Вместе идут по коридору.

ФЁДОР. *Наши – это кто?*

МАРК. *Наши – это возставший рабочий народ!*

ФЁДОР. *Ты сам-то давно рабочим стал?*

МАРК. *Уж, верно, не попович. Попы всегда были опорой трона и буржуазии.*

ФЁДОР. *Так всё-таки – трона или буржуазии?*

МАРК. *Всё равно – эксплуататоров.*

К ним подбегает ещё один студент – СЕРГЕЙ БЕЗДЕТНЫЙ (старше Фёдора и Марка), на каждом плече – по винтовке.

СЕРГЕЙ. *Ты, Левицкий, всё свою большевицкую агитацию разводишь?*

МАРК. *А не надо никого агитировать – народ сам возстал, без всякой агитации.*

СЕРГЕЙ. *Разказывай!*

(Фёдору.)

Архангельский, ты с нами? Идём защищать демократию! У нас дружина формируется своя, университетская. Бери.

(Протягивает одну из винтовок.)

На складах Округа дают.

Фёдор перекидывает винтовку через плечо. Марк тем временем отходит от них.

ФЁДОР. *Только вся твоя, Серёжа, демократия куда-то разбежалась или арестована в Петрограде.*

СЕРГЕЙ. *Вот Москва и станет цитаделью демократии, свободы! В Питере всё протухло, закисло. Там, представляешь, никто даже не сопротивлялся грядущему хаму! А мы здесь, в первопрестольной, – бабахнем!*

(Хватает за руку проходящего студента.)

Постой, Иванов! Ты с нами?

(Фёдору.)

Ладно, я побежал. Подходи к Манежу.

Сергей быстро уходит. Фёдор стоит, задумавшись.

ФЁДОР. *Демократия и свобода – не одно и то же, как говорил мой профессор.*

СЦЕНА 3. УНИВЕРСИТЕТСКИЙ СКВЕР.

ФЁДОР спускается по лестнице левого флигеля университетского здания; на плече винтовка. Направляется по скверу к воротам. В них входит философ ИВАН ИЛЬИН. Фёдор замечает его и быстро идёт навстречу.

ФЁДОР. *Здравствуйте, Иван Александрович! Как замечательно, что мы встретились... Мне нужен совет...*

ИЛЬИН. *Здравствуйте, здравствуйте, Фёдор Петрович!*

(Иронично.)

Какой у вас воинственный вид! Хотите насильственно зачёт требовать? Напрасно, я его вам и так поставил.

(Идут вместе, смотрят в сторону Кремля, Ильин указывает на него).

Смотрите, Фёдор Петрович, смотрите! Больше вы такой Москвы никогда не увидите.

ФЁДОР. *Почему не увижу?*

ИЛЬИН. *Потому что раньше мы здесь, в России, просто жили. А теперь надо не жить, а бороться за неё. И в этой борьбе всё, всё изменится. Как? От нас зависит. Так о чём вы хотели поговорить?*

Прогуливаются по скверу.

Философ Иван Александрович ИЛЬИН (1883–1954) .

Мемориальная доска И.А Ильина, установленная в 2008-м году на стене флигеля старого корпуса Московского университета.

ФЁДОР. *Вот брожу я тут с винтовкой и не знаю, что с ней делать... Со студентами поговорил: все прекрасно понимают, кто – с кем. А я вот не знаю... Временное правительство – бессилье, большевики – грубая сила...*

ИЛЬИН. *Вот именно – грубая сила, ей-то и следует противостоять. Родина – выше класса, право – выше силы; свобода – выше смерти. Мы должны быть с Россией!*

ФЁДОР. *Большевики говорят, что они и есть Россия, народ...*

ИЛЬИН. *А мы должны узнавать и врага народа, укрывшегося за личиною демократа, и врага России, принявшего облик революционера. Если мы встанем на пути этой грубой силы, мы победим! Победим, даже если проиграем.*

ФЁДОР. *Как это – победим, если проиграем?*

ИЛЬИН (увлечённо, с некоторым пафосом). *Победил не тот, кто временно осилил в борьбе. Грубая сила, побеждая, сама творит своё поражение: её, рано или поздно, всё равно увлечёт в пропасть. Победил тот, кто явил силу духа и воли, кто показал, что умеет любить нечто больше жизни и больше себя. Никакая Красная гвардия не сможет сломить дух того, кто любит Россию!*

(Вынимает из кармана большой белый носовой платок, разрывает его и перевязывает руку Фёдора.)

Мы будем – Белая гвардия!

СЦЕНА 4. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ.

Раннее утро следующего дня – 28-го октября 1917-го года.

Через Троицкие ворота в Кремль осторожно входит колонна юнкеров, впереди пулеметчики. Колонна продвигается к Арсеналу. Командует колонной ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. Один из взводов ведёт ГЛЕБ. Офицеры, идущие с колонной, переговариваются между собой. Глеб подходит к Шашковскому.

Троицкие ворота Московского кремля.

ГЛЕБ. *Ваше превосходительство, прошу меня простить, но, может, имеет смысл, подождать вторую роту от Спасских?*

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Не стоит. Если проявим нерешительность, можем всё погубить.*

(Указывает на здание Арсенала.)

Вон, смотрите, солдатики уже сдаются.

У здания Арсенала выстраиваются солдаты 56-го запасного пехотного полка, складывают оружие перед строем. СОЛДАТ-ХОХОЛ, собираясь положить винтовку на землю, вглядывается в подходящую колонну юнкеров. Передумывает, разгибается с оружием в руке и обращается к остальным.

СОЛДАТ-ХОХОЛ. *Хлопци, а юнкерей-то – кит наплакал. Вэртайтэ ружжсья взад. Мы их туточки перебьем, як блих на золысини.*

Многие хватают с земли винтовки и выставляют вперёд штыки. К строю подбегает большевик ВОЛКОВ.

ВОЛКОВ. *Солдаты, не стрелять. Это – провокация! Юнкера ухлопают всех нас за милую душу.*

Солдаты стоят в нерешительности. Напротив них останавливается, оцетинившись штыками, колонна юнкеров.

СЦЕНА 5. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. ЧЕРДАК ЗДАНИЯ АРСЕНАЛА.

У чердачных окон с винтовками стоят АСТРОНОМ, принявший вид ПОЛКОВНИКА ТУЧИНА, и бывший заключённый Бутырок УЛУСОВ в форме солдата 56-го полка.

УЛУСОВ (с усмешкой). *Сейчас самое оно, ваше высокоблагородие. Давай вжарим!*

АСТРОНОМ-ТУЧИН. *Нет, Улусов, надо подождать: может, они без нас друг друга перестреляют.*

Всматривается в окно. Из него видно, что ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ и ВОЛКОВ ведут переговоры.

АСТРОНОМ-ТУЧИН. *Видно, ты прав. Пора. Развели там турусы на колёсах. Гляди, ещё и брататься начнут.*

УЛУСОВ. *Вот это – дело.*

АСТРОНОМ-ТУЧИН. *Хватит двух выстрелов. Ты стреляешь в солдата, я – в юнкера. А там они всё сами сделают. Да и ненавидеть будут друг друга люто. Те, которые выберутся, такой слух по Москве пустят, что эта первопрестольная затрясётся! Солдатня будет бить юнкеров, юнкера – солдатню... А победим, в итоге, – мы. Понял? Попадёшь?*

УЛУСОВ. *Не изволь беспокоиться!*

Становятся у окон на одно колено.

СЦЕНА 6. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. У ЗДАНИЯ АРСЕНАЛА.

У здания Арсенала стоят солдаты 56-го полка, напротив – колонна юнкеров. Сверху звучат два выстрела. Юнкера и солдаты в панике палят друг в друга.

Здание Арсенала Московского кремля.

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Юнкера, оставить стрельбу!!! Оставить!.. Не слышат, черти...*

ГЛЕБ (перебегая от юнкера к юнкеру своего взвода). *Ребята, приказ: не стрелять! Оставить стрельбу!*

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ (подходя к Глебу). *Поручик, ваши, вроде, поспокойней других. Берите их и летите молнией на чердак. Кажется, первые выстрелы были оттуда. Приведите мне этого мерзавца.*

ГЛЕБ. *Слушаюсь, господин генерал.*

Глеб направляется к своему взводу. Уговаривает юнкеров и вместе с ними убегает в Арсенал. В толпе солдат мечется ВОЛКОВ, размахивая маузером.

Немецкий самозарядный пистолет маузер К96.

ВОЛКОВ. *Братцы, прекратите огонь! Иначе всех здесь постреляют. А нам ещё предстоит бороться за светлую, справедливую жизнь! За царство рабочих и крестьян!*

К нему подбегает юнкер и бьёт прикладом по голове. Волков падает, слетают очки, по бородке течёт кровь. В кремлёвские ворота въезжает броневой автомобиль. Солдаты бросаются к нему, надеясь, что подошла подмога. Броневик открывает огонь по солдатам. Паника. Кто бежит, кто становится на колени. Крики, стоны, падают тела. Солдаты бросаются в ворота Арсенала, но открыта только узкая калитка, перед которой образовалась гора мертвых тел, раненых, потоптанных и здоровых, старающихся перелезть через калитку. Огонь прекращается. Юнкера замерли. Зловещая тишина. Только раскачивается перебитая пулемётным огнём железная цепь на тумбе.

СЦЕНА 7. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. ЛЕСТНИЦА В ЗДАНИИ АРСЕНАЛА.

ГЛЕБ с юнкерами поднимается по лестнице на чердак Арсенала. Сверху слышится выстрел.

ГЛЕБ. *Ребята, быстрее!*

Юнкера бегут. На лестнице показывается АСТРОНОМ-ТУЧИН с наганом в руке. Юнкера замирают.

АСТРОНОМ-ТУЧИН. *Спокойно, юнкера, я – свой: уполномоченный Комитета общественной безопасности полковник Тучин. Кто командир?*

(Глебу.)

Вы, поручик? Пойдемте со мной наверх. Остальным выставить караулы и никого не пропускать.

Астроном прячет наган, поднимается с Глебом на чердак.

СЦЕНА 8. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. ЧЕРДАК ЗДАНИЯ АРСЕНАЛА.

На чердак входят ГЛЕБ и АСТРОНОМ. У окна на спине лежит УЛУСОВ.

АСТРОНОМ-ТУЧИН (указывая на труп Улусова). *Эта мразь и стреляла. Провокатор! Когда я вбежал он ещё у окна был, любовался творением рук своих... Сволочь! Не успел и обернуться.*

Глеб оглядывает чердак, повернувшись к Астроному спиной. Замечает две винтовки в двух окнах. Астроном опускает руку к кобуре. Глеб оборачивается. Астроном делает вид, что оправляет шинель.

ГЛЕБ (в задумчивости). *Но ведь тут две винтовки... Откуда...*

(Замолкает.)

Господин полковник, а как вы сюда попали? Ведь вас с нами не было...

АСТРОНОМ-ТУЧИН. *Успокойтесь, поручик, не надо так нервничать.*

Астроном вонзает в глаза Глеба змеиный, гипнотизирующий взгляд. Глеб отступает назад, натывается на труп Улусова и застывает, как парализованный.

АСТРОНОМ-ТУЧИН. *Не надо нервничать...*

Снова тянется к кобуре. Вдруг дверь распаивается, и вбегает запыхавшийся ЮНКЕР.

ЮНКЕР (Глебу). *Там толпа солдат рвётся сюда. Что нам делать?*

Глеб стоит неподвижно, потом медленно опускается на пол.

АСТРОНОМ-ТУЧИН (юнкеру). *Вашему командиру плохо стало при виде крови. Верно – в первый раз. Выведите его на воздух. И труп вынесите. Пусть все увидят убийцу-провокатора. А в солдат, если будут продолжать ломиться, стреляйте. Нечего жалеть этот сброд.*

Астроном начинает спускаться с чердака.

СЦЕНА 9. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. У ЗДАНИЯ АРСЕНАЛА.

Повсюду валяются трупы. Из Арсенала незаметно выходит АСТРОНОМ-ТУЧИН, осматривается вокруг, идёт к воротам. Мимо него проходит ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. Оглядывается и недоуменно смотрит вслед. К Шашковскому подбегает юнкер и что-то докладывает. В это время Астроном уходит. Юнкера загоняют пленных солдат в казармы. В толпе солдат ВОЛКОВ с окровавленным лицом глухо запекает:

*Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Любви беззаветной к народу,*

*Вы отдали всё, что могли, за него.
За жизнь его, честь и свободу...¹*

Песню забивает звенящий голос юнкера:

*Лихая удадь, честь, любовь к Отчизне славной,
К великому Царю и Вере Православной...²*

На Спасской башне бьют куранты. Прислонившись к стене, стоит бледный, окаменевший генерал Шашковский.

ШАШКОВСКИЙ. *Всё: пути назад нет. Теперь либо они – нас, либо мы – их. Гражданская война началась.*

Здание Арсенала Московского кремля.

СЦЕНА 10. СТОЛОВАЯ В ДОМЕ ОТЦА ПЕТРА. Утро того же дня.

ОТЕЦ ПЁТР, АННА, ВАРВАРА и ПАВЛИК заканчивают благодарственную молитву после утреннего чаепития.

ОТЕЦ ПЁТР. *С нами Бог Своею благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно, и во веки веков.*

ВСЕ. *Аминь.*

АГАФЬЯ (убирая со стола). *Всё не как у людей. Не поедят, не попьют толком. Всё бегут, торопятся куда-то. Торопыги!*

ОТЕЦ ПЁТР. *Как не торопиться, Агафьюшка, сегодня судьба патриаршества решается! Не захочешь, а поспешишь.*

Отец Пётр идёт к себе. Агафья крестит его в спину.

АГАФЬЯ (вслед ему). *Без тебя там не обойдутся! Поел бы лучше как следывает. И муха набивает брюхо...*

Уходит на кухню.

¹ Революционная песня «Вы жертвою пали» на слова А. Архангельского (А.А. Амосов).

² Марш лейб-гвардии Измайловского полка на слова К.Р. (Великий князь Константин Константинович).

АННА (Варваре и Павлику). *Дети, пойдите помогите Агафье.*
 ПАВЛИК. *Батюшка ещё не уехал, а ты уже раскомандовалась.*
 ВАРВАРА. *Дети! Ты всего на два года старше меня!*
 АННА. *Старше – не старше, а я за вас отвечаю.*
 ВАРВАРА (фыркает). *Ответчица нашлась!*

Все расходятся. Камера скользит по опустевшей, печальной комнате. Из-за окна слышится нарастающее пение:

*Весь мир насилья мы разроем
 До основанья, а затем
 Мы наш, мы новый мир построим:
 Кто был ничем, тот станет всем.³*

СЦЕНА 11. МОСКВА. МЯСНИЦКАЯ ОКОЛО ДОМА ОТЦА ПЕТРА.

К дверям подъезжает извозчик, на него садится вышедший из дома ОТЕЦ ПЁТР. Экипаж отъезжает. Улица полупуста, редкие прохожие. Негромко звучит мелодия «Интернационала». Дверь снова открывается и высовывается головка ВАРВАРЫ. Барышня оглядывает улицу, видит удаляющийся экипаж и выходит из дома. Ёжится от холода. Прячет ручки в муфту. Стоит в нерешительности. Дверь открывается в третий раз, и выходит одетый в тёплое пальтишко ПАВЛИК, натывается на Варвару.

Мясницкая улица в Москве.

ВАРВАРА. *Ты-то куда собрался?*
 ПАВЛИК. *Все разбежались, а мне что – с Нюшей сидеть? Со скуки помрёшь! Пойду к Йоське Могилевскому. Что я – хуже всех?*
 ВАРВАРА. *Нет, Павлик, ты лучше всех!*
 (Обнимает его.)
 Только будь поосторожней!
 ПАВЛИК. *Ладно...*

³ Международный пролетарский гимн «Интернационал».

Расходятся.

**СЦЕНА 12. МОСКОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ДОМ,
КОНЕЦ УТРЕННЕГО ЗАСЕДАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ПОМЕСТНОГО СОБОРА.**

По широкой лестнице Епархиального дома спускаются МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ ТИХОН, ЕПИСКОП КАМЧАТСКИЙ НЕСТОР и ОТЕЦ ПЁТР АРХАНГЕЛЬСКИЙ. За окнами слышна громкая канонада.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Всё! Закончилось многоглаго́лие. Господь Всемилостивый услышал наши молитвы – быть на Руси Патриарху.*

ОТЕЦ ПЁТР (с горькой иронией, указывая в сторону, откуда слышится канонада). *А вот и салют в честь этого...*

Останавливаются на лестничной площадке.

МИТРОПОЛИТ ТИХОН. *Да, Патриарху-то быть, но каково ему придётся в годину гнева Божия, в дни многоскорбные и многотрудные? Сколько ему доведётся глотать слёз и испускать стонов в предстоящем служении! Это избрание станет для него тем самым свитком, на котором было написано: «Плач, и стон, и горе», и каковой должен был съесть пророк Иезекииль...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Ничего, владыка Тихон, надо уповать на то, что Господь, призвавший Патриарха, Сам и поможет ему Своею всеильною благодатию нести тяжкое бремя, и соделает его легким бременем.*

Поместный собор Православной российской церкви 1917–1918 гг.
В центре – митрополит Московский и Коломенский ТИХОН
(в миру Василий Иванович Белавин; 1865–1925), будущий Патриарх.
Прославлен в лике святителей в 1981-м (РПЗ) и 1989-м (РПЦ) гг.

За стенами Епархиального дома усиливается грохот выстрелов, порою заглушающий говорящих.

ОТЕЦ ПЁТР. Нет, владыка Нестор, лёгким это бремя не будет. Великое и страшное служение предстоит! Предстоит умирание за Церковь Православную во вся дни.

(Указывает в сторону канонады.)

Даже не это самое страшное. Всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затемнились в совести народной христианские начала, ослабела и самая вера, неистовствует безбожный дух мира сего. Церкви нашей путь в катакомбы. В катакомбы, как в языческом Риме.

Повисает молчание, слышна только оглушительная стрельба. Все трое спускаются дальше по лестнице.

СЦЕНА 13. КВАРТИРА МОГИЛЕВСКИХ В ДОМЕ У НИКИТСКИХ ВОРОТ.

ПАВЛИК находится в гостях у своего приятеля ЙОСИ МОГИЛЕВСКОГО. Мальчики смотрят в окно и переговариваются. С улицы доносится грохот отчаянной артиллерийской, пулемётной и ружейной стрельбы.

ЙОСЯ. Слышь, как жахнуло!

ПАВЛИК. А во гляди, Йоська, гляди, тот прямо упал! Здорово!

ЙОСЯ. Да ведь жалко же...

ПАВЛИК. Это и мой батюшка всё повторяет: жалко, да жалко. А брат Глеб говорит, что мы, настоящие мужчины-воины, должны драться с врагом. А жалеть всех должны женичины и священники.

Площадь Никитских ворот, электротئاتр «Унион» в мирное время.

По сценарию из двухэтажного дома через дорогу от «Униона» ПАВЛИК и ЙОСЯ видят происходящее.

Стрельба не стихает, слышны разрывы снарядов. В окно видно, что из повреждённых газовых фонарей вырываются высокие синие языки огня. Дом напротив загорается

разноцветным пламенем (жёлтым, зелёным, синим). Огонь освещает людей с винтовками, перебегающих от дерева к дереву. В горящем доме обрушивается крыша. Мальчики вскрикивают. В комнату вбегает ААРОН МОГИЛЕВСКИЙ, отец Йоси.

ААРОН МОГИЛЕВСКИЙ. *Быстренько, быстренько! Все спускаемся в дворницкую – там самое безопасное место.*

Йося и Павлик следуют за ним.

СЦЕНА 14. МОСКОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ДОМ

По лестнице Епархиального дома спускаются МИТРОПОЛИТ ТИХОН, ЕПИСКОП НЕСТОР и ОТЕЦ ПЁТР. К отцу Петру подходит МОЛОДОЙ МОНАХ.

МОЛОДОЙ МОНАХ. *Отче, вас зовут к телефону. Из Кремля.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Откуда?*

МОЛОДОЙ МОНАХ. *Из Кремля. Его заняли юнкера, и там ваш сын. С ним что-то такое...*

Отец Пётр на секунду замирает, но тут же встряхивается и идёт за молодым монахом. Митрополит Тихон и епископ Нестор скорбно, тревожно смотрят ему вслед.

СЦЕНА 15. МОСКВА. НИКИТСКИЕ ВОРОТА.

Дом князя Гагарина на площади Никитских ворот.

По сценарию именно его крыша обрушилась на глазах у ПАВЛИКА и ЙОСИ.

В дворницкой сидят на лавках, табуретках, на полу жильцы дома, пекари из булочной с 1-го этажа. Слышны стрельба, грохот. Потом они внезапно стихают. Дверь открывается, и в проёме появляется ВОЛКОВ, голова его перевязана.

ВОЛКОВ. *Граждане! Мы договорились с юнкерами. Сейчас и мы, и они прекратим огонь, чтобы вывести детей и женщин. Дом с часу на час загорится. Мужчин выпускать не*

будут. Но когда выйдут дети и женщины, думаю, можно рискнуть и мужчинам. Пойдёмте!

Волков берёт за руки стоящих рядом ПАВЛИКА и ЙОСЮ, направляется к подворотне, выходящей на Тверской бульвар. Женщины с детьми следуют за ним, сзади идут мужчины.

СЦЕНА 16. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ.

На кровати в мундире лежит ГЛЕБ, страшно бледный с компрессом на голове. Рядом ТАЛОЧКА придерживает компресс. Входят ЕПСКОП НЕСТОР и ОТЕЦ ПЁТР (в пальто, шляпах). Талочка встаёт, Глеб приподнимается на локте.

Чудов монастырь в Московском кремле (уничтожен) .

ЕПСКОП НЕСТОР. *Ну, здорово, герой, здорово! Снова ранен? Ничего, заживёт с Божьей помощью. Зато святое дело сделали – выбили антихриста со святого места.*

ГЛЕБ (тихо). *Я его видел.*

ОТЕЦ ПЁТР (наклоняясь к Глебу). *Кого, сынок? Кого ты видел?*

ГЛЕБ. *Антихриста.*

Повисает пауза.

СЦЕНА 17. МАЛАЯ БРОННАЯ УЛИЦА.

ВОЛКОВ ведёт за руку ЙОСЮ и ПАВЛИКА. Из-за угла выбегает ААРОН МОГИЛЕВСКИЙ.

ААРОН МОГИЛЕВСКИЙ. *Йоська, живой!*

(Обнимает сына и обращается к Волкову.)

Спасибо вам, господин большевик!

ВОЛКОВ. *Товарищ Волков.*

ААРОН МОГИЛЕВСКИЙ. *Спасибо огромное, товарищ Волков.*

(Протягивает руку.)

Аарон Могилевский, адвокат.

ВОЛКОВ (отвечая на рукопожатие). *Почти коллеги: меня со второго курса юридического выгнали за студенческие беспорядки... Ну да ладно, сейчас не об этом. Бегите отсюда мигом! Опасно! Ребёнок ведь.*

ААРОН МОГИЛЕВСКИЙ. *Ещё раз спасибо вам, товарищ Волков. Храни вас Бог. Хотя вы в него, вероятно, и не верите...*

Хватает Йосю за руку, они скрываются за углом.

СЦЕНА 18. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ.
ЕПИСКОП НЕСТОР, ОТЕЦ ПЁТР, ТАЛОЧКА стоят и сидят вокруг кровати, на которой лежит ГЛЕБ. Дверь открыта.

ОТЕЦ ПЁТР (Глебу). *Что ты говоришь, Глеб? Какой Антихрист?*
(Крестится.)

ГЛЕБ (медленно и отчётливо). *В мундире пехотного полковника.*

Отец Пётр ещё раз крестится. Епископ Нестор разводит руками.

ТАЛОЧКА. *Глеба сюда юнкера еле живого привели, почти в безпамятстве. Говорят, ему плохо стало от вида крови.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Ерунда! Георгиевский кавалер! Два года на фронте! Сам был ранен! И как кисейная барышня обмяк при виде крови? Ерунда! Тут что-то другое...*

ТАЛОЧКА. *И всё время – этот бред...*
(Крестится.)

...про Антихриста...

СЦЕНА 19. МАЛАЯ БРОННАЯ УЛИЦА.

После ухода могилевских на улице остались ВОЛКОВ и ПАВЛИК.

Никитские ворота после боёв.

ВОЛКОВ (держа за руку Павлика). *Ну а с тобой-то, гимназист, что мне делать?*

ПАВЛИК. *Разстреляйте!*

ВОЛКОВ (смеётся). *За что же тебя надо разстрелять?*

ПАВЛИК. *Вы, наверное, большевик, а я – против большевиков. Мы все против большевиков.*

ВОЛКОВ. *Это кто ж такие – «мы все», которые против большевиков?*

ПАВЛИК. *Мы – Архангельские.*

ВОЛКОВ (с усмешкой). *Что-то мне сразу боязно стало! Все Архангельские – да против большевиков. Ладно, герой... Живёшь-то где? Здесь, рядом?*

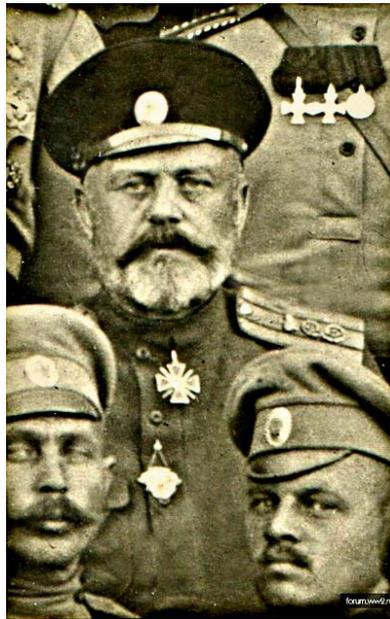
ПАВЛИК. *Не, на Мясницкой.*

ВОЛКОВ. *На Мясницкой? Тогда нам по пути. Мне как раз в ту сторону ехать. Довезу на автомобиле.*

Из-за угла выбегают ФЁДОР АРХАНГЕЛЬСКИЙ и СЕРГЕЙ БЕЗДЕТНЫЙ с винтовками и белыми повязками на рукавах. Натыкаются на Волкова и Павлика. Волков выхватывает маузер, Сергей вскидывает винтовку. Фёдор бросается к Павлику.

СЦЕНА 20. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ.

ЕПИСКОП НЕСТОР, ОТЕЦ ПЁТР, ТАЛОЧКА стоят и сидят вокруг кровати, на которой лежит ГЛЕБ. Входит ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ.

Генерал-майор Леонид Андроникович ШАШКОВСКИЙ (1867–1918, в октябре разстрелян большевиками вместе с сыном, служащим банка).

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Здравия желаю, господа! Генерал-майор Шашковский. Владыка, благословите.*

Ему отвечают. Генерал подходит под благословение.

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Я слышал, проходя, ваш разговор. Разрешите вмешаться. Бред – не бред, а история весьма туманная. Во-первых, я сам, своими глазами видел этого странного полковника. Он выходил из Арсенала как раз перед тем, как оттуда вывели поручика. Станный тип. Хотел его остановить, да отвлекли...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *А юнкера что говорят?*

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Тожё всё туманно... Говорят, что он их как бы заворожил... Но главное не в этом. Главный вопрос: кто стрелял?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Разве не солдаты начали?*

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Нет! Категорически! Хотели бы разстрелять – разстреляли бы колонну, когда мы подходили. А тут – и по чужим, и по своим... Зачем? Там на чердаке, нашли, правда, труп одного типа в солдатской шинели. Но посмотрели – у него все руки, грудь, спина в тюремных татуировках. Не солдат, а бандит. Как он там оказался? И с этим полковником...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Но ведь и не ваши же, генерал, весь этот ужас заварили?*

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Ну что вы, отче! Мы ведь только подошли.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Так кто же?*

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *То-то и оно – кто? Попомните моё слово: сейчас на наших глазах в России началась Гражданская война. Теперь никто никому ничего прощать не будет. Чудовищная провокация! Кому это выгодно?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Большевикам?*

ГЕНЕРАЛ ШАШКОВСКИЙ. *Может, и большевикам, пёс их разберёт. Но меня, например, ничуть не удивляют слова поручика об Антихристе... Не ему ли это выгодно?.. Впрочем, простите, господа, мне надо идти. Честь имею.*

(Глебу.)

Поправляйтесь, поручик.

Шашковский уходит.

Чудов монастырь после обстрела.

СЦЕНА 21. МОСКВА. МАЛАЯ БРОННАЯ УЛИЦА.

ФЁДОР сидит на корточках перед ПАВЛИКОМ. ВОЛКОВ и СЕРГЕЙ БЕЗДЕТНЫЙ замерли с оружием, направленным друг на друга.

ФЁДОР. *Павлик, ты-то как здесь. Господи!*

ПАВЛИК. *Я был у Йоськи Могилевского из нашей гимназии. Там как жажнет! Светопреставление!*

ФЁДОР (указывает на Волкова). *А этот? Он что, похитил тебя?*

ПАВЛИК. *Не, он спасал нас всех. А меня обещал домой отвезти. На автомобиле! Здорово!*

ВОЛКОВ (Сергею). *Студент, опустите, винтовку. Я не буду здесь с вами дуэли устраивать.*

(Засовывая маузер за пояс.)

А мальчика действительно могу довести до Почтамта. У меня на Спиридоновке автомобиль стоит. Нечего парнишке тут делать: или вы, или мы подстрелим, неровён час.

СЕРГЕЙ (опуская винтовку). *Откуда такое милосердие?*

ВОЛКОВ. *Мы, большевики, вовсе не людоеды, как вы, наверное, думаете.*

СЕРГЕЙ. *Волки в овечьей шкуре.*

ВОЛКОВ (смеётся). *Почти угадали! Но только почти. Моя фамилия действительно Волков, а вот шкуры никакой нет. Я искренно предлагаю довести мальчика.*

ФЁДОР. *Ладно, делать нечего. Надеюсь на ваше благородство.*

ВОЛКОВ. *Ну, благородство – это по вашей части, а мы и так доведём, без благородства.*

(Павлику.)

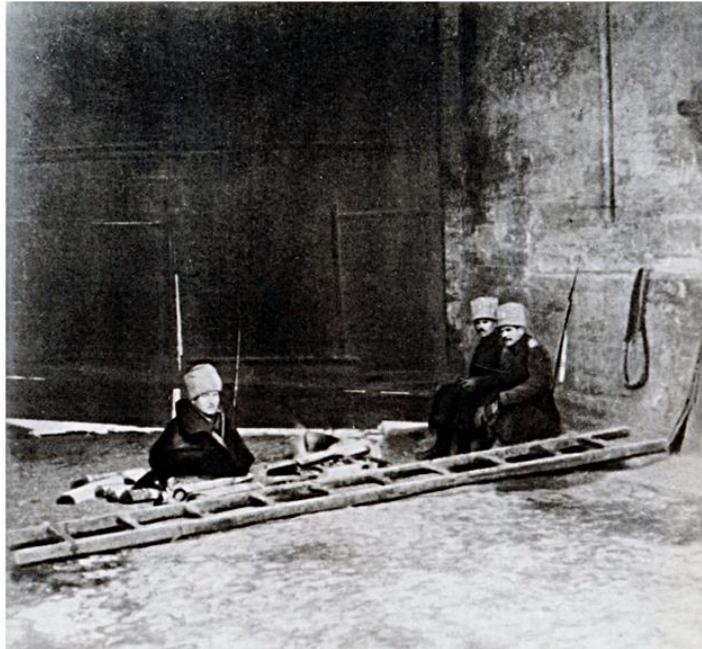
Пошли!

ПАВЛИК. *Пошли! А до автомобиля долго идти?*

ФЁДОР (Павлику, обнимая его). *Сразу от Почтамта – домой, и носа не высовывать.*

СЦЕНА 22. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ.

ГЛЕБ садится на кровать, потом встаёт и начинает медленно ходить по комнате.

Сторожевой пост юнкеров у Никольских ворот Кремля.

ОТЕЦ ПЁТР (крестится). *Ну слава Богу!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Прошёл морок?*

ГЛЕБ. *Кажется, да...*

Талочка встаёт и со слезами на глазах нежно обнимает Глеба.

ТАЛОЧКА. *Теперь рассказывай, что там на чердаке случилось.*

ГЛЕБ. *Там случилось... Там случилось, что я стал другим человеком.*

ТАЛОЧКА. *Нет!!! Я тебя прежнего люблю!*

ГЛЕБ. *Ничего не поделаешь: придётся смириться и понять то, что понял я. Как бы это ни было страшно.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Так что же ты понял, сынок?*

ГЛЕБ. *Знаете, батюшка, я до этого как бы не жил, а играл. В солдатики. И одним из этих солдатиков был я сам. Вероятно, вам трудно поверить, но мне за два года на войне ни разу не было страшно. Перед первой атакой всё время вспоминал панику Николая Ростова при Шенграбене и ожидал чего-то похожего. Так нет: было весело, а не страшно... В детстве мне один раз стало жутко... Мы, мальчишки, лазали по заброшенным сараям, и меня в темноте что-то холодное стукнуло по лбу. Когда осветили, увидели подвешенный*

на верёвке окостеневший труп большой кошки. И тогда мне стало дико страшно. Я даже взрослым никогда об этом не рассказывал. Но это – в детстве, а не на войне.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Не может быть: на войне всегда страшно. Я знаю. И отец Пётр знает.

ТАЛОЧКА. И я!

ГЛЕБ. Я же говорил, что вы не поверите... Но тем не менее, это так. Было беспокойство за себя, за окружающих, но не страх. Я сам удивлялся. А вот сейчас понял, почему. Потому что это всё было не по-настоящему, а как в солдатики.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Но ведь ты же воевал за Родину, за Россию.

ГЛЕБ. Да, конечно... Но это было, так сказать, общим местом. Я не мог эту Родину... как бы объяснить... ну, потрогать, что ли...

ОТЕЦ ПЁТР. А теперь, Глебчик, можешь?

ГЛЕБ. Теперь – могу. Вот – трогаю.

Глеб переходит от одного к другому и поочерёдно обнимает Талочку, отца Петра, епископа Нестора. Подходит к стене кельи, двумя руками дотрагивается до неё.

Юнкера, защищающие Кремль.

ГЛЕБ. И в глазах этого Чёрного полковника я увидел совершенно отчётливо, как в реальности, что всё это – гибнет, мы все проваливаемся куда-то.

ОТЕЦ ПЁТР. Почему чёрного? Чёрные волосы?

ГЛЕБ. Не знаю, он был в фуражке. Но он весь был чёрный. И вот от его глаз меня впервые в жизни охватил настоящий ужас. Мистический ужас.

ТАЛОЧКА. Какую жуть ты говоришь!

ГЛЕБ. И ещё. В его глазах я увидел всё, что было у Арсенала. Перекошенные злобой лица. Солдата, заскоруждыми пальцами раздирающего рот юнкеру. Моего обезумевшего юнкера, протыкающего штыком солдата в папахе. Кровавое месиво...

(Отцу Петру.)

Мы с вами, батюшка, в своё время долго обсуждали одну фразу из Достоевского: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай, когда помутилось сердце человеческое; когда цитируется фраза, что кровь “освежает”...».

(Обращается ко всем.)

И вот теперь я понял, что эти «освежители» пришли: кровь «освежает» их, как вампиров. Они заставят нас проливать кровь, а сами будут «освежаться».

ОТЕЦ ПЁТР. *Глебчик, и даже при таких суровых обстоятельствах нельзя озлобляться. Христос требует от нас любви, а не ненависти.*

ГЛЕБ. *Христос принёс не мир, но меч.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Отец Пётр, Глеб прав. Христос пришёл не для того, чтобы помирить истину и ложь, мудрость и глупость, добро и зло, правду и насилие, нравственность и скотство, целомудрие и разврат, Бога и мамону; нет, Он принёс меч, чтобы отсечь и отделить одно от другого, чтобы не было смешения.*

ГЛЕБ. *Батюшка, я не озлобился. Я просто повзрослел, кончилась игра в солдатики. Я буду драться за вас, за Талочку, за Кремль, за всё это.*

(Обводит рукой вокруг.)

Драться по-настоящему, до последнего.

Талочка обнимает Глеба, беззвучно плачет.

Охрана штаба большевицкого Военно-революционного комитета у здания Моссовета в октябре 1917-ого года.

СЦЕНА 23. МОСКВА. КВАРТИРА ОТЦА ПЕТРА.

Камера переходит с комнаты на комнату. В гостиной ВАРВАРА играет на пианино сонату для альта и фортепиано Глинки. АННА в своей комнате читает. АГАФЬЯ на кухне готовит. Раздается звонок в дверь. Агафья идёт открывать. В дверях стоят ВОЛКОВ и ПАВЛИК.

АГАФЬЯ (всплескивая руками). *Павлик, Боже ж ты мой!*

ПАВЛИК. *Я, Агафьюшка, на автомобиле прикатил! Вон, меня Волков довёз. Он – большевик, но хороший.*

АГАФЬЯ. *Хороший! Нам только большевиков до полной горницы не хватало. Не к ночи будь помянуты.*

(Павлику, осматривая его.)

Ты-то – хороший! Выдрала б как сидорову козу, кабы батюшка позволил. Сосатели жизни моей! Одни пережитки с вами!

В прихожую выходит Анна.

АННА. Ты что расшумелась, Агафьюшка? Павлик?! Где ты был?

ВОЛКОВ. Сидел у дружка на Никитских – под обстрелом. Извольте получить и разрешите откланяться. Павел мне тут сообщил, что все Архангельские ненавидят большевиков.

(С усмешкой кивает на Агафью.)

Впрочем, я это сам уже успел заметить.

АННА. Во-первых, Архангельская – это я. Мой прадед, между прочим, был дружен с Герценом. Во-вторых, как вас зовут, большевик?

ВОЛКОВ. Волков, Егор Волков.

Агафья берёт Павлика за руку и уводит из прихожей, что-то сердито бурча себе под нос.

АННА. В-третьих, спасибо вам, Волков, за этого шалопаю. А в-четвёртых, снимайте сапоги и проходите в гостиную. Хоть чаю стакан выпьете, на улице холодно. Будем знакомы – Анна.

Протягиваает руку. Волков неловко жмёт её. Анна идёт в гостиную. Волков стоит в нерешительности, потом начинает снимать сапоги.

СЦЕНА 24. ЗДАНИЕ МОССОВЕТА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ.

По коридору идёт АСТРОНОМ в кожаной куртке. Сапоги громко хлюпают по грязи: на полу всего коридора – болото, в котором плавают окурки, мусор. Мимо него снуют люди: военные, штатские, рабочие, женщины; многие с нерусскими лицами. Вдалеке звучит Аппассионата. К Астроному подбегает студент МАРК ЛЕВИЦКИЙ.

Здание Моссовета на Тверской в 1917-м году.

МАРК ЛЕВИЦКИЙ. Товарищ Млечин, связь с Петроградом восстановлена. Вас к аппарату вызывает сам товарищ Ленин. Пойдёмте быстрее.

Левицкий чуть не бежит, Астроном не спеша идёт за ним. Входят в отдельную внутреннюю комнату. Астроном берёт трубку.

АСТРОНОМ. Млечин у аппарата. Здравствуйте, Владимир Ильич.

Камера показывает кабинет в Смольном, ЛЕНИН стоит у телефона. Камера попеременно переносится то в Смольный, то в Моссовет.

ЛЕНИН (не отвечая на приветствие). *Уж от вас, товарищ Млечин, никак не ожидал таткой похабной политики! Как вы могли сдать Кремль, упустить оружие? Неслыханный позор! Гнуснейшее преступление против революции!*

АСТРОНОМ. *Нет никакого преступления. Успокойтесь, товарищ Ленин. Всё идёт по плану.*

ЛЕНИН (нервно делает маленькие шажки с телефонной трубкой в руке). *По какому, к чёрту, плану! Мы с вами о чём договаривались? – Действовать быстро, жёстко и решительно. А вы – мямлите! Почему не применяете силу? Диктатура пролетариата есть власть, поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами...*

АСТРОНОМ. *Силами солдат 56-го полка было бессмысленно и даже вредно удерживать Кремль. У этих бородачей солома в головах. Уже начались раздоры, склоки, митинги. Кончилось бы всё тем, что все разбежались бы, а рябцевские молодчики вошли в Кремль парадным маршем. Ваши любезные Ногины и Ломовы уже предлагали Рябцеву создать коалиционный комитет.*

ЛЕНИН. *Жалкие оппортунисты! Сахар-медовичи! Секите их, секите, пока весь оппортунизм из кишок не вылезет.*

АСТРОНОМ. *Владимир Ильич, сдача Кремля – проигрыш одного сражения для победы во всей кампании. Мы там, в Кремле, такую кашу заварили, что им её вовек не расхлебать. К тому же у нас в руках почти вся артиллерия. При первой возможности начнём обстрел Кремля. Хотя тот же Ногин и иже с ним возражают: нельзя уничтожать «исторические святыни».*

ЛЕНИН. *Неслыханное ханжество! Святыней для них должен быть коммунизм, а не какие-то башенки, храмики, боженьки! Скажите им, что преступно придавать значение тому или другому зданию, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую всё, о чём могли только мечтать в прошлом. Скажите им так – они любят красивые фразы. Надеюсь на вас, дорогой Астроном. Действуйте! Только на вас и надеюсь.*

Ленин кладёт трубку и садится за стол, обхватив голову руками. Тихо звучит Аппассионата.

И.И. Бродский «Ленин в Смольном».

СЦЕНА 25. МОСКВА. ГОСТИНАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

АННА разливает чай. ВОЛКОВ подходит к большой фотографии на стене.

ВОЛКОВ (Анне). *Это ваша семья?*

АННА. *Да, летом, на даче под Сергиевым Посадам.*

ВОЛКОВ. *Надо же, как случилось! Я за два дня чуть не всех вас перевидал.*

(Указывает на фотографии Глеба.)

Вот его даже дважды.

АННА. *Это мой брат Глеб, он из госпиталя приехал, ранен был.*

ВОЛКОВ. *Раненый – не раненый, а здесь он лихо воюет.*

(Дотрагивается до перевязанной головы.)

Видал его в Кремле.

АННА. *Неужели это Глеб вас так?*

ВОЛКОВ. *Нет, но такие же, как он.*

АННА. *Какие?*

ВОЛКОВ. *Которые не хотят свободы трудового народа, а хотят оставить у власти помещиков и капиталистов.*

АННА. *Глеб – не помещик и не капиталист... Вы садитесь за стол, Волков, я уже налила чай, вот варенье.*

Садятся за стол.

ВОЛКОВ. *Судя по фотографии, ваш отец – священник. А духовенство всегда обслуживало власть имущих. Нет, я не против религии: пусть каждый верит во что хочет.*

АННА. *Даже в дьявола?*

ВОЛКОВ (смеясь). *Эк вы куда загнули... Так и я у вас буду слугой дьяволовым.*

АННА. *Нет-нет, что вы... Я на курсах часто общалась с девочками, которые поддерживают и эсеров, и большевиков. Многие ваши взгляды мне известны и близки. А главное – я, как и вы, страстно хочу счастья народного. Из всей поэзии, например, мне ближе всего Некрасовское: «Он, как свои, на теле носит все язвы родины своей...»*

ВОЛКОВ. *Так почему же вы, Анна, не с нами?*

Разговор прерывается звонком в дверь. Слышны звуки музыки из комнаты ВАРВАРЫ и шаги АГАФЬИ.

СЦЕНА 26. МОСКВА. ДОРОГОМИЛОВСКАЯ УЛИЦА.

Улица здесь и там пересечена заграждениями. Стоят красногвардейские патрули, снуют люди с красными повязками на рукавах. Посредине, не обращая ни на кого внимания, шагом едет на раскормленной кобыле усатый солдат (около 50-ти лет) в мундире гусарского Сумского полка с Георгиевским крестом. Это – вестовой Глеба ИГНАТ НАЛИВАЙЛО. На поводу он ведёт ещё одну лошадь, такую же раскормленную. Игната окликает 1-й КРАСНОГВАРДЕЕЦ.

1-й КРАСНОГВАРДЕЕЦ. *Чвой-то, дядя, больно зажирели у тя кобылки-то. На мясо их волокёшь што ли?*

ГУСАР (говорит через плечо, не поворачиваясь к красногвардейцу). *Тебя бы самого на мясо. Да ишишо коли сыщется, который не погребует жрать такого. Сопля голанская...*

Гусар продолжает движение. Красногвардейцы громко хохочут.

2-й КРАСНОГВАРДЕЕЦ. *Во закручивает, старый пердун!*

Дорогомиловская улица в Москве.

СЦЕНА 27. МОСКВА. ПРИХОЖАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

АГАФЬЯ открывает дверь. Входит СОКОЛОВ в шинели, фуражке, с вещевым мешком на плече.

СОКОЛОВ. *Здравия желаю, Агафья Лукинишна.*

АГАФЬЯ. *Здравствуй, родимый, здравствуй! Проходи, коли пришёл. Ты к Анютке аль, может, к Варварочке?*

СОКОЛОВ. *Да я, собственно, к Глебу...*

АГАФЬЯ. *Знаю, знаю, к какому ты Глебу. Аль я слепая?*

(Кричит в сторону комнат.)

Анютка, Варварочка, гости прибыли. Оглохли что ль? Не слышите?

ВАРВАРА выбегает и застывает, как статуя.

ВАРВАРА. *Вы?..*

СОКОЛОВ. *Собственной персоной, Варвара Петровна. Здравствуйте!*

ВАРВАРА. *Здравствуйте, Константин Владимирович!*

(Смущаясь.)

Я очень, очень рада вас видеть.

АГАФЬЯ. *Ну чего стоите? Идите в горницу. Хоть люди в дому будут, а то приходят непонятно кто...*

Соколов раздевается, проходят в гостиную.

СЦЕНА 28. МОСКВА. ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Вечер. ЕПИСКОП НЕСТОР и ОТЕЦ ПЁТР, возвращаясь из Кремля, идут мимо Малого театра. Слышны выстрелы и канонада. На другой стороне, на углу Большого театра, стоит пикет красных из трёх солдат. Вдруг из-за угла магазина Мюр и Мерилиз выскакивает ЮНОША в штатском, без оружия, начинает перебегать площадь. Звучит выстрел. Епископ Нестор и отец Пётр замирают. Юноша взмахивает руками, падает и катится по мостовой. Солдат спокойно снова заряжает винтовку.

ОТЕЦ ПЁТР. *Убит? За что?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Один Бог знает.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Как тяжело, владыка, как тяжело, будто вся тяжесть мира на нас обвалилась...*

Театральная площадь .

Внезапно на площадь выезжает санитарный автомобиль, быстро подбирает упавшего и направляется в сторону, где стоят епископ Нестор и отец Пётр. Видно бледное лицо молодого человека, лежащего на носилках поперёк автомобильного кузова, на его груди рука сестры милосердия с горстью марли, через которую сочится кровь.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Вы видели, отец Пётр, лицо отрока на грузовике?*

ОТЕЦ ПЁТР. *Да-да, видел... Ужасно!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Это убивают молодую Россию! Россию спасти надо!*

Стрельба усиливается, свистят шальные пули. Епископ Нестор и отец Пётр прижимаются к стене дома. Пуля попадает в стену как раз между ними, откалывает большой кусок штукатурки. Оба пригибаются.

ОТЕЦ ПЁТР (стряхивая штукатурку с пальто). *Похоже, сейчас самое время нам спасти самих себя грешных.*

СЦЕНА 29. ГОСТИНАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

АННА сидит за столом, ВОЛКОВ в сером пиджаке с красной повязкой на рукаве ходит по комнате, что-то взволнованно говорит. Появляются ВАРВАРА и СОКОЛОВ. Волков останавливается, Анна встаёт.

ВАРВАРА. *Анечка, к нам Константин Владимирович из Белгорода приехал.*

АННА. *Здравствуй, Костя. Ты не на фронте? В стрельбу играть надоело?*

СОКОЛОВ. *Здравствуй, Аня, здравствуй! Какой сейчас фронт! Фронт, кажется, переместился сюда, в Москву.*

(Смотрит на красную повязку на рукаве Волкова.)

И похоже, даже в вашу квартиру... Я, собственно, Глеба разыскиваю.

ВОЛКОВ. *Простите, что встречаю в разговор, но, кажется, именно я могу вам помочь. Глеб Архангельский, по всей видимости, должен сейчас находиться в Кремле. По крайней мере, был там, когда я оттуда сбежал.*

СОКОЛОВ. *Весело у вас тут. В Кремль – как в кабак: то забегают, то выбегают.*

ВОЛКОВ. *Вот ваш приятель вместе с другими и устроили этот кабак, захватив Кремль. Кровавый кабак!*

СОКОЛОВ. *Захватив...*

(Насмешливо.)

А вообще-то, по праву, Кремль с его священными соборами принадлежит вам?

ВОЛКОВ. *Да, нам – народу.*

СОКОЛОВ. *Жалко зайчика: была у него избышка лубяная, а лиса его оттуда выгнала.*

ВОЛКОВ. *Не стоит жалеть, господин офицер, в конце той сказочки появился петух с косою и лису зарубил.*

АННА. *Господа, вы не слишком забылись? Может быть, ещё стрельбу здесь устроите?*

ВОЛКОВ. *Извините, Анна, немедленно ухожу. Я здесь явно лишний.*

АННА. *Не только вы, Волков. Я – тоже здесь лишней стала... Вы спрашивали, почему я сама не иду бороться за счастье народа? Так вот вам мой ответ: я иду. Подождите немного.*

Анна уходит в свою комнату. Соколов порывается идти за ней, но останавливается и разводит руками. Волков направляется в прихожую.

СЦЕНА 30. ПРИХОЖАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

ВОЛКОВ надевает сапоги и открывает дверь, чтобы выйти. В проёме стоит ИГНАТ. Волков, минувя его, выходит из дома. Игнат заходит в прихожую. Останавливается в нерешительности, потом громко кашляет. Раздаются шаги, и появляется АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ. *Что за день такой сегодня выдался! Вавилонское толпотворение. Ходят и ходят, как в лавку.*

ГУСАР. *Ты, тётя, не бранись, а лучше напои-накорми служивого.*

АГАФЬЯ. *Ты кто такой будешь, чтобы тебя поить да кормить?*

ГУСАР (закручивая усы и отдавая честь). *3-го эскадрона 1-го гусарского Сумского генерала Сеславина полка рядовой Игнатий Наливайло.*

АГАФЬЯ. *Наливайла? Кто ж тебя так прозвал?*

ГУСАР (важно). *По отцу кличут. И дед у меня Наливайлой был.*

Из гостиной выходят СОКОЛОВ и ВАРВАРА, из кухни выбегает ПАВЛИК.

СОКОЛОВ. *Это действительно его настоящая фамилия, Агафья Лукинишна. Самая гусарская. Игнат – вестовой вашего Глеба, присматривает за ним.*

(Обнимает Игната.)

Ну, здравствуй, Игнат, здравствуй!

СЦЕНА 31. ЭЛЕКТРОТЕАТР «УНИОН» У НИКИТСКИХ ВОРОТ.

Пол фойе весь заляпан мокрой грязью. У окон расположены два пулемёта на спешно сколоченных дощатых подставках. Входят и выходят вооружённые юнкера, студенты, офицеры. У дверей кабинета хозяина электротeatра стоят СЕРГЕЙ БЕЗДЕТНЫЙ и ФЁДОР. С ними разгорячённо разговаривает высокий седой семидесятилетний старик ЗАХАРЖЕВСКИЙ.

СЕРГЕЙ (старик). *Да не можем мы, дедушка, дать вам оружие.*

ФЁДОР (указывая на дверь кабинета). *Обращайтесь к полковнику Лихачёву.*

Дверь кабинета открывается и выходит полковник ЛИХАЧЁВ.

ЛИХАЧЁВ. *Что здесь происходит?*

ЗАХАРЖЕВСКИЙ. *Господин полковник, прикажите мне выдать винтовку, ваши мальчишки отказываются!*

ЛИХАЧЁВ. *Господин...*

ЗАХАРЖЕВСКИЙ. *Захаржевский, Георгий Андреевич Захаржевский.*

ЛИХАЧЁВ. *Георгий Андреевич, ну что же вы будете в столь почтенном возрасте с винтовкой бегать... У нас и здесь для вас дело найдётся.*

ЗАХАРЖЕВСКИЙ. *Нет-нет, раз мои дети, шестьдесят человек, сражаются, то и я должен быть среди них.*

ЛИХАЧЁВ. *Сколько? Сколько у вас детей?*

ЗАХАРЖЕВСКИЙ. *Почти шестьдесят человек: я директор гимназии, и здесь воюют мои ученики. Дайте мне винтовку!*

Электротheater «Унион» у Никитских ворот после боёв.

Входная дверь с шумом распаивается, в неё вбегает двадцатилетняя миловидная девушка с круглым лицом и круглыми голубыми глазами – баронесса СОФЬЯ ДЕ БОДЕ. В барашковой шапке и форме прапорщика она похожа на стройного мальчика.

ЛИХАЧЁВ (Сергею). *Выдайте господину Захаржевскому винтовку.*

Сергей и Захаржевский идут вглубь фойе. Софья подходит к полковнику. Фёдор, не отрывая глаз, заворожённо смотрит на девушку.

СОФЬЯ. *Господин полковник, дайте взвод юнкеров!*

ЛИХАЧЁВ. *Для начала хотел бы узнать, с кем имею честь разговаривать.*

СОФЬЯ. *Прапорщик Софья де Бодe.*

ЛИХАЧЁВ. *Так-с... А Николаю Андреевичу вы кем приходитеcь?*

СОФЬЯ. *Дочь.*

ЛИХАЧЁВ. *Знавал я вашего батюшку, ещё когда он был в гвардии, знавал.*

СОФЬЯ. *Дайте юнкеров, господин полковник!*

ЛИХАЧЁВ. *А зачем вам юнкера, баронесса? На танцы?*

СОФЬЯ. *Не привыкла, чтобы со мной так разговаривали. Я – русский офицер, почти год на фронте, в конной разведке.*

ЛИХАЧЁВ (улыбаясь). *Ну не гневитеcь, не гневитеcь, милый прапорщик. Так зачем юнкера?*

СОФЬЯ. Я, переодевшись в дамское, побывала на Малой Никитской. Там нам всё перекрыл пулемётчик. Весьма легко можно разблокировать улицу и захватить пулемёт. Я – и пулемётчица.

ЛИХАЧЁВ. Пулемёты нам нужны. А главное – выход на Садовое. Попробуйте отбить. Большое дело сделаете. Я распоряджусь. Подождите, только шинель надену.

Софья направляется к выходу. Лихачёв заходит в кабинет и тут же возвращается, надевая шинель.

Слева: баронесса Софья Николаевна ДЕ БОДЕ (1897–1918) .

ФЁДОР. Леонид Осипович, разрешите мне пойти с этим отрядом.

ЛИХАЧЁВ. Что, барышня приглянулась? Огонь девица! Ну ступайте, студент, ступайте.

Оба выходят, идут по улице. Юнкера и студенты снуют мимо электротeatра. За кадром звучат стихи:

*Опять над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови,
И это уже не татары,
Похуже Мамаю – свои!*

СЦЕНА 32. КУХНЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

За столом сидит ИГНАТ. АГАФЬЯ подносит ему большой стакан настойки.

АГАФЬЯ. На вот тебе, кавалер. Раз уж ты Выпивайло, то и выпить не грех.

Игнат залпом выпивает стакан, крикает, вытирает усы кулаком.

ИГНАТ. Наливайло я. И запомни накрепко: На-ли-вай-ло! А за настоечку благодарствуем. Можно и ишию налить, тётенька.

АГАФЬЯ. Какая я тебе тётенька? Тоже мне племяш выискался!

Ставит на стол тарелку дымящихся щей и направляется к плите. Игнат встаёт.

ИГНАТ. А вот мы сейчас и поглядим, какая ты мне тётенька...

Крепко обнимает её сзади за грудь.

АГАФЬЯ (пытаясь вырваться). *Отстань, охальник! Креста на тебе нету! Уйди, говорю, таракан усатый!*

ИГНАТ (тиская её). *Ничаво, это – ничаво...*

Агафья вырывается из объятий и, раскрасневшаяся, отскакивает к плите. Игнат снова садится за стол.

СЦЕНА 33. МАЛАЯ НИКИТСКАЯ.

По сторонам улицы идут юнкера, разбившись на две цепочки. В одной из них – СОФЬЯ, ФЁДОР. В другой выделяется зелёная фуражка ПОГРАНИЧНИКА. За кадром звучат стихи Галича:

*В предчувствии гибели близкой
Октябрь разыгрался с утра,
Цепочкой, по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера...
Не надо, оставьте, оставьте!
Мы загодя знаем итог!
А снегу придется растаять
И с кровью уплыть в водосток.*

Малая Никитская улица в Москве.

Вдруг из окна второго этажа начинает трещать пулемёт. Пули лязгают по мостовой, шлёпаются в стены. Слышится резкий крик: пуля пробивает козырёк и попадает прямо в лоб пограничнику. Высоко в воздух взвивается зелёная фуражка. Пограничник падает замертво.

СОФЬЯ (поднимая над головой винтовку). *Юнкера, за мной! Ура!*

Под пулями бежит к тому дому, откуда идёт стрельба. За ней с криком «Ура!» бросается весь отряд. Пулемёт на какое-то время замолкает. За кадром звучат стихи Галича:

*Но катится снова и снова
– Ура! – сквозь глухую пальбу.
И челка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу!*⁴

Софья подбегает к дому, вышибает прикладом витрину магазина с вывеской «Лучшія колбасы». Сквозь разбитое стекло видно, как раскачиваются бутафорские палки колбас, окорока, копчёности. В это время снова раздаётся пулемётная очередь. Софья падает, по ноге течёт кровь. За кадром звучит песня:

*Ещё пять минут – и окончится пьеса,
И в небе высоком погаснет звезда...
Не слишком ли быстрый аллюр, баронесса?
Уйти в мир иной мы успеем всегда...*⁵

Юнкера через разбитую витрину проникают в магазин. Фёдор подбегает к Софье, берёт её на руки, несёт прочь от дома. Смотрит на неё восхищённо. Пулемёт замолкает.

СОФЬЯ. *Что смотришь, студент? Женщин никогда не видел?*

ФЁДОР. *Видел... Но не таких...*

СОФЬЯ. *Ты ещё мне в любви объяснись. Или романс, по крайней мере, спой. Нашёл время... Поставь меня сей же час на землю.*

ФЁДОР. *Если я поставлю тебя... вас... то вы упадёте, баронесса.*

СОФЬЯ. *Тогда неси и смотри под ноги, а не на меня. Сам упадёшь. Вместе со мной.*

(Смеётся.)

А я не хочу быть падшей женщиной.

Малая Никитская улица.

Фёдор сажает Софью на крыльцо подъезда. Юнкера катят мимо них захваченный пулемёт, весь измазанный кровью убитого пулемётчика.

СЦЕНА 34. КУХНЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

За столом сидит ИГНАТ, ест. АГАФЬЯ хлопочет у плиты. Входит СОКОЛОВ.

⁴ А.А. Галич «Смерть юнкеров или Памяти Живаго».

⁵ Песня К.Ю. Фролова-Крымского «Белая Валькирия».

СОКОЛОВ. *Вот, Агафья Лукинишна, не взывайте, матушка тут нашей белгородской снеди прислала.*

Соколов развязывает дорожный мешок и вынимает оттуда окорок, сало в холщовой тряпице, нитки сушеных грибов, домашнее печенье.

АГАФЬЯ. *Спаси тебя Бог, родимый, и матушку твою рóдную храни Господь! Туго у нас в Москве со снedyю стало! Всё обормоты потрескали.*

Соколов подсаживается к Игнату, принохивается.

СОКОЛОВ. *И тут от тебя, Игнат, винный дух уже идёт! Опять впольяна! Успел! Ничего не меняется...*

Игнат молча ест щи, смотрит в тарелку.

АГАФЬЯ. *Не брани его, родимый, это я солдатику винца с дорожки налила.*

СОКОЛОВ. *Вы, Агафья Лукинична, его этим не балуйте: Игнат если начнёт, то не остановится.*

(Игнату.)

Сколько тебя Глеб учил! Всё без толку!

Игнат доедает щи, кладёт ложку, аккуратно сметает в ладонь крошки хлеба со стола и отправляет их в рот. Весело и хитро смотрит на Соколова.

ИГНАТ. *Он меня учил как винца не пить, а его учил как жись прожить. И чаво вышло из этой истории? Ничаво! Правильно вы давеча сказали: ничаво не меняется. Я как пил винцо, так и пью, а их благородие как жисти не знали, так и не знают...*

СОКОЛОВ. *Ладно, философ, расскажи лучше, как там на фронте? Давно оттуда?*

ИГНАТ. *Уж месяц как. А что на фронте? Какой фронт! Самое худое и вонючее повылезало. Оно всегда наверх всплывает и всё загаживает. С немчурой инапс ихний глушит. Офицеровъ бьёт. Бяда-а!*

СОКОЛОВ. *А сам-то ты зачем в Москву приехал?*

ИГНАТ. *Кобыл привёл.*

СОКОЛОВ. *Каких ещё кобыл?*

ИГНАТ. *Звёздочку для их благородия и свою Султанку. Приказ был всю кавалерию спéшить и лошадок забрать. До чего дошло! Так я им своих кобыл и отдал, разбежались! Жаль скотинку-то, погубят. Вот и пригнал, пуцай их благородие сами решают.*

СОКОЛОВ. *А где же кобылы?*

ИГНАТ. *Там, на улице закрепил за столбики, куда извозчики своих привязывают.*

СОКОЛОВ. *Чудак ты, Игнат! Ну пойдём, посмотрим на твоих животных.*

Оба выходят их кухни.

СЦЕНА 35. МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА ОКОЛО ДОМА ОТЦА ПЕТРА.

На тротуаре стоят лошади, привязанные за чугунные столбики. Выходят СОКОЛОВ и ИГНАТ.

Мясницкая улица .

СОКОЛОВ (подходя к лошадям). *Это что такое, Игнат? Ты что с ними сделал?*

ИГНАТ. *Да, раздобрили в дороге малость...*

СОКОЛОВ. *Малость? Да это же какие-то чудовищные звери для Гаргантюа!*

ИГНАТ. *Чаво?*

СОКОЛОВ. *Ну... для Ильи Муромца.*

ИГНАТ. *Это – да... Геройский был мужчина.*

СОКОЛОВ. *Как же ты их довёз?*

ИГНАТ. *А очень просто. Со мной ишишо один наш гусар был – Прошка Петров.*

Помните его? Конопатый такой. Да ишишо штабной писаришка Криворучко. Вот этот писаришка и выправил нам бумагу, будто едем по приказу командующего фронтом. Да сейчас никто ни в чём особо не разбирается. Вот мы и добыли целый товарный вагон, завалили его тюками сена. Штук сто натаскали со складдóв! А под овёс взяли ещё и соседнюю площадку.

СОКОЛОВ. *Так вы, значит, целый месяц лошадей не выводили?*

ИГНАТ (похлопывая по шее свою кобылу). *Не, без выводки ехали. Выведешь – либо сопрут какие безобразники, либо в вагон напхаются. Нельзя... Вот и раздобрили... Это – ничаво... Зато сытно им было.*

СОКОЛОВ. *Да, солдатики!.. Перестарались вы. Куда их теперь? Ломовые битюги!*

ИГНАТ. *А коли их благородию не надобны будут, сведу в Петрову академию.*

СОКОЛОВ. *Ты откуда про Петровскую-то академию знаешь?*

ИГНАТ. *А как же! Я ж тутошний, из Лихоборов. Может, слыхали? До войны в Петровой на конном дворе конюхом был.*

СОКОЛОВ. *Ну так и веди их сразу туда. Что Глеб с этими бочками делать станет? А понадобятся, из академии заберёт.*

ИГНАТ. *Это – да, ваша правда. Поскачу. Только с тётенькой зайду попрощаться. Хорошая тётенька!*

СОКОЛОВ. *Игнат, смотри, не пей.*

ИГНАТ. *Само собой. А вы куда теперь, ваше благородие?*

СОКОЛОВ. *В Кремль. Там, похоже, сейчас самое жаркое место. Да и Глеб, говорят, там.*

ИГНАТ. *Это – так, так... Ну, я с лошадами вот управлюсь, и тоже туда подоспею.*

Входят в дом.

КОНЕЦ ВТОРОЙ СЕРИИ